

Полянина Ольга Анатольевна

ПЕНСИОННАЯ СТАТИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена такой дискуссионной проблеме земствоведения, как определение количественного состава наёмных служащих органов земского самоуправления в начале XX века. Оценка численности земских служащих ("третьего элемента") впервые в современной историографии проводится на основании финансовой отчётности пенсионных касс. На примере документации земской пенсионной кассы Уфимской губернии анализируются как преимущества, так и недостатки данного вида источников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 135-139. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

28. Орлов И. Б. Государственная промышленная политика в 1920-е гг.: антикризисная или кризисная модель? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 1 (2). С. 57-84.
29. Педосов А. А. Партия большевиков и технический прогресс. М.: Мысль, 1969. 462 с.
30. План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 663 с.
31. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков). Принята 8 съездом партии 18-23 марта 1919 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm> (дата обращения: 24.06.2017).
32. Резолюция IX съезда РКП(б) «Об очередных задачах хозяйственного строительства» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 16-ти т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 2. 1917-1922. С. 241-254.
33. Скворцов-Степанов И. И. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. М.: Государственное издательство, 1922. 392 с.
34. Сталин И. В. Письмо В. И. Ленину // Сталин И. В. Собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Географгиз; Госполитиздат, 1952. Т. 5. 1921-1923.
35. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004. 512 с.
36. Струмилин С. Г. На плановом фронте. М.: Госполитиздат, 1958. 626 с.
37. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917-1936 гг.: сборник документов: в 3-х т. М.: Юриздат, 1959. Т. 1. Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. 1917-1922 гг. 836 с.
38. Троцкий Л. Д. История русской революции: в 2-х т. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. Т. 2. Октябрьская революция. Часть вторая. 400 с.
39. Чогандарян М. Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920-30-е гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 181-183.
40. Шаронин Д. А. Документация научно-исследовательских и проектных институтов как исторический источник по истории электрификации СССР (1920-1930 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 580-584.
41. Яковлев А. А. Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России. 2012. № 4. С. 154-167.

THE GOELRO PLAN – THE PROGRAM OF REVOLUTIONARY RUSSIA

Otrokova Ol'ga Yur'evna, Ph. D. in History
Shcherbakova Ol'ga Mikhailovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University (National Research University)
otrokova@yandex.ru; infobox900@mail.ru

The article deals with the issues related to the development, approval, essence and prospects for implementing the GOELRO Plan. This document is considered in the unity of socio-economic, technical and political tasks, which became a basis for working out the ideological vector that determined to a considerable extent the rise of the USSR in the pre-war period.

Key words and phrases: Russian Revolution; V. I. Lenin; GOELRO Commission; Electrification Plan; Soviet authority; ideology.

УДК 94(470.57)

Исторические науки и археология

Статья посвящена такой дискуссионной проблеме земствоведения, как определение количественного состава наёмных служащих органов земского самоуправления в начале XX века. Оценка численности земских служащих («третьего элемента») впервые в современной историографии проводится на основании финансовой отчётности пенсионных касс. На примере документации земской пенсионной кассы Уфимской губернии анализируются как преимущества, так и недостатки данного вида источников.

Ключевые слова и фразы: земство; земские служащие; «третий элемент»; органы местного самоуправления; пенсионные кассы.

Полянина Ольга Анатольевна, к.и.н.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
olga-polyanina@mail.ru

ПЕНСИОННАЯ СТАТИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Поиск эффективной модели местного самоуправления неотделим от решения проблемы кадрового обеспечения муниципальной власти и, в частности, определения оптимальной численности выборных должностных лиц и вольнонаёмных служащих. Развитие современного института местного самоуправления

сопровождается волнами «оптимизации», выражающимися то в расширении, то в сокращении штатов администраций, что с очевидностью указывает на отсутствие сбалансированной и продуманной кадровой политики в этой сфере. Выработка соответствующей политики актуализирует обращение к историческому опыту, прежде всего к изучению системы земского самоуправления пореформенной России. Однако у научного сообщества до настоящего времени отсутствует единый подход к определению количественного состава наёмных служащих органов земского самоуправления («третьего элемента»).

Несмотря на свою безусловную актуальность, вопрос о численности «третьего элемента» остаётся не только нерешённым, но и непопулярным, поскольку для советского и постсоветского земствоведения характерна так называемая «профессионализация» изысканий, т.е. сосредоточение внимания на отдельных крупных отрядах земских служащих. Единственная официальная «перепись» земских служащих датируется 1902 годом, когда министерство внутренних дел затребовало от губернаторов сведения о вольнонаёмных служащих земских учреждений, приглашённых как к постоянным, так и к временным занятиям. В специальную форму вносились данные о фамилии, имени и отчестве служащего, его возрасте, социальном происхождении, образовании, занимаемой должности, жаловании, стаже работы, совместительстве, порядке определения на службу. Всего в тех 34 губерниях, где действовало «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», было учтено 30217 человек. После того как из их числа были исключены учителя земских школ, внесённые в списки некоторыми уездными земствами, итоговый показатель, зафиксированный Хозяйственным департаментом МВД, составил 26546 человек [24, с. 121-125].

К сожалению, проследить изменение этого показателя в динамике достаточно сложно, поскольку других официальных переписей по аналогичной методике не проводилось. Между тем начало XX века было отмечено значительным «расширением земско-городского дела», что выразилось как в развитии традиционных (медицина, народное образование, статистика), так и в появлении новых (эпидемиология, бактериология и др.) направлений деятельности местного самоуправления. Заметными темпами расширялась земская агрономия и ветеринария, набирали популярность сельскохозяйственные склады и кассы мелкого кредита, расширялась сеть музеев и народных домов... Каждая из перечисленных сфер требовала соответствующего кадрового обеспечения и, как следствие, увеличения штатной численности земских служащих. Вопрос о том, в какой именно степени произошло данное увеличение, оказался предметом дискуссии и на региональном, и на общероссийском уровне.

Для оценки общей численности «третьего элемента» исследователи, как правило, используют данные дореволюционных авторов Б. Б. Веселовского и В. Е. Трутовского. По мнению Веселовского, «возможность произвести общий учёт земских служащих» дают сведения о количестве участников земских пенсионных касс [3, с. 494]. В 1908 г. автор располагал данными по 15 пенсионным кассам и, соответственно, по 15 губерниям (Табл. 1).

Таблица 1.

Численность участников земских пенсионных касс Российской империи в 1908 г.

Земство	Год	Число	Земство	Год	Число
Рязанское	1908	1681	Херсонское	1906	2133
Курское	1907	2502	Таврическое	1903	1451
Вологодское	1909	1825	Вятское	1907	4052
Орловское	1908	1776	Казанское	1904	1622
Ярославское	1908	1501	Костромское	1907	1634
Нижегородское	1908	2439	Харьковское	1903	2186
Тверское	1908	2515	Казанское	1908	2631
Уфимское	1908	1615			

В результате, «общее количество наёмных земских служащих во всех 34 губерниях» было определено Веселовским «в 65-70 тысяч человек, т.е. на одного выборного служащего приходилось до 50 человек» [Там же]. Отметим, что Веселовский не уточняет, о каких выборных служащих идёт речь: о гласных только губернского земского собрания или всех гласных уездных собраний. Выводы В. Е. Трутовского также основывались на данных пенсионных касс: по его оценкам, в 1912 г. в 40 земских губерниях насчитывалось 85 тыс. служащих. При этом наибольшее количество служащих работало в Московской, Вятской, Тверской, Пермской и Херсонской губерниях; наименьшее – в Олонецкой, Вологодской, Бессарабской, Симбирской и Калужской [21, с. 47-48]. Такие оценки, в принципе, соответствуют данным Веселовского, приведённым в Таблице 1, но оба названных автора, к сожалению, не обосновали методику своих подсчётов.

Крупнейший современный исследователь земских служащих Е. В. Чернышёва справедливо указывает на то, что в работах Веселовского и Трутовского нет ответа на вопрос: «все ли земские служащие являлись участниками пенсионных касс и насколько эти данные отражали реальную картину». По мнению Чернышёвой, «с учётом официальных данных за 1902 год, указанная Веселовским численность земских служащих была несколько завышена и призвана была произвести скорее психологический эффект (“ряды интеллигенции ширятся”), чем показать реальную картину» [24, с. 125-126].

В данном контексте очевидно, что новый этап научного поиска следует начинать на региональном уровне – в первую очередь на примере тех земств, где действовали пенсионные кассы. К числу таких губерний принадлежала Уфимская. На протяжении двух последних десятилетий история уфимского земства освещалась в работах О. А. Курсевой [10], А. В. Беседовской [2], Г. Б. Азаматовой [1], С. А. Севастьянова [20],

Н. С. Мысляевой [11], М. С. Нагорной [12], но ни один из названных авторов не рассматривал документы пенсионной кассы в качестве источников базы. С. А. Севастьянов «использовал для подсчёта общего количества земских служащих Уфимской губернии коэффициент Б. Б. Веселовского», получив «цифру в 1400 человек служащих губернского земства в 1914 году на 28 губернских гласных» [20, с. 59]. Сотрудники уездных земств при этом учтены не были.

Н. С. Мысляева [11, с. 103-106] и А. В. Беседовская [2, с. 319-320] обратились к «Историко-статистическим таблицам деятельности уфимских земств», составленным самими земцами в 1914 г. [9]. Внимание обоих исследователей привлекла таблица «Численность служащих в канцелярии губернской земской управы», где зафиксировано количество сотрудников каждого отдела управы на протяжении 1876-1914 гг., а также средний месячный оклад всех групп служащих [Там же, с. 238-239]. Эти данные позволили Н. С. Мысляевой проанализировать процесс «строения земского исполнительного аппарата», выявить те отрасли управления, которые «приобретали жизненное значение в условиях промышленно-хозяйственного бума» [11, с. 103-106].

В соответствии с таблицей, численность служащих канцелярии губернского земства возросла с 12 человек в 1876 г. до 161 в 1914 г. Количество сотрудников канцелярий всех уездных управ по состоянию на 1913 г. достигло 335 человек [9, с. 238-239]. Очевидно, что приведённые цифры не учитывают все категории «третьего элемента», отражая только количество «офисных» работников. Тот же самый источник – «Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств» – позволяет подсчитать, что к 1913 г. количество учителей земских школ Уфимской губернии превысило 1900 человек [Там же, с. 292-307], численность медицинского персонала (включая врачей, фельдшеров и акушеров) составила 424 человека [Там же, с. 340-354], ветеринарного – 70 человек [Там же, с. 326-327].

Противоречивость приведённых данных актуализирует обращение к материалам пенсионной статистики. Устав пенсионной кассы земских служащих Уфимской губернии был утверждён министерством внутренних дел 10 февраля 1905 г. [23]. В контексте рассматриваемой темы принципиально важно отметить, что Уфимская касса относилась к страховому типу. В отличие от эмеритальных касс, преимущественно учреждавшихся в 1880-1890-е гг. и нуждавшихся в постоянных субсидиях из местного бюджета, данные кассы строились на принципах страхования жизни и трудоспособности. Размер выплат непосредственно зависел от суммы, накопившейся на личном счету, что, с одной стороны, обеспечивало кассам финансовую устойчивость, а с другой – значительно усложняло делопроизводство и документооборот. Ведение личных счетов участников кассы, по сути, означало переход к персонализированному учёту служащих.

Уфимская губернская управа 1 октября 1907 г. провела однодневную перепись служащих, которые были обязаны заполнить разосланные им бланки и прислать документы, подтверждающие их возраст и семейное положение (выписки из метрических книг, формулярные списки). На основании представленных сведений пенсионный отдел управы в течение 1908 г. заполнил свыше 1800 личных карточек участников, куда вносились все биографические сведения о служащем и членах его семьи. Наиболее трудоёмкой оказалась «проверка этих данных путем собрания метрических справок от причтов и других учреждений» [5, с. 932]. Впоследствии участники кассы ежегодно фиксировали все изменения в опросных листах, а пенсионный отдел дополнял уже существующие личные карточки, а также собирал информацию о новых служащих.

По окончании года пенсионный отдел формировал финансовый отчёт, включавший около 20 счетов и 10 ведомостей. Структура каждого документа была рекомендована министерством внутренних дел и практически не изменялась. В рамках исследуемой темы наибольший интерес представляют ведомости «о численном составе участников, с распределением их по месту служения», «о численном составе участников, с распределением их по возрасту» и «о семейном положении участников». Унифицированная форма всех ведомостей позволяет проследить динамику таких важнейших показателей, как общее количество и половозрастной состав служащих, время поступления и увольнения со службы, текучесть кадров в каждой возрастной группе. Сложный порядок назначения вдовьих и сиротских пенсий требовал ведения личных счетов жён и детей участников и, как следствие, учёта времени вступления служащих в брак, возраста жены (мужа) и детей. Все соответствующие сведения также обобщались в ежегодных ведомостях.

Уфимское губернское земство успело выпустить пять отчётов по операциям пенсионной кассы (за 1908-1913 гг.); документы военного времени сохранились частично [15-19]. На основании отчётов (Табл. 2) можно установить, что численность земских служащих, являвшихся участниками кассы, возросла с 1460 человек в начале 1908 г. до 2868 человек в конце 1913 г. [15, с. 2-3; 16, с. 2-3; 17, с. 6-7; 18, с. 2-3; 19, с. 2-3]. Очевидно, что эти данные существенно корректируют и дополняют сложившуюся историографическую картину.

Таблица 2.

Количество участников Уфимской земской пенсионной кассы в 1908-1913 гг.

Год	Количество участников кассы (чел.)			
	Числилось на начало года	В течение года		Числилось к концу года
		Поступило	Выбыло	
1908	1460	590	322	1728
1909	1728	527	357	1898
1911	2074	562	366	2270
1912	2270	606	376	2500
1913	2500	867	498	2868

Но, несмотря на высокую степень информативности и достоверности данной финансовой отчётности, количество членов пенсионной кассы не может быть механически приравнено к количеству земских служащих той или иной губернии. Во-первых, в соответствии с Положением 1900 г., обязательными участниками кассы состояли «в том числе и служащие по выборам земств» [13, с. 803-805], то есть лица, принадлежавшие ко «второму», а не к «третьему элементу». Во-вторых, названное Положение разрешало земствам исключать из числа обязательных участников кассы сотрудников, «имевших при учреждении кассы или при вступлении на службу, возраст, превышающий указываемый Уставом предел» [Там же].

По данным известного дореволюционного правоведа М. Д. Загряцкова, в большинстве земских пенсионных касс этот возрастной ценз составлял 50-60 лет, в двух земствах (включая Уфимское) – 45 лет [7, с. 12]. В ряде губерний вслед за лицами старшего возраста из числа обязательных участников пенсионных касс был исключён служительский персонал земских учреждений (надзиратели, сиделки, сторожа и т.д.). По этому пути пошли, в частности, Киевское [Там же] и Уфимское земские собрания [4, с. 689-704], гласные которых отмечали крайне высокую текучесть кадров на низших должностях. «Выгоды страхования» в таком случае становились «проблематичными» [7, с. 12]. Определённая часть сотрудников в возрасте 50-60 лет и низших служащих согласилась участвовать в системе пенсионного страхования на добровольных началах, но остальные оказались «за кадром» пенсионной статистики. И если количеством выборных должностных лиц, являвшихся участниками касс (как правило, это были члены управы) можно пренебречь, то число неучтённых служащих двух названных категорий следует уточнять по другим источникам.

Корректное использование пенсионной статистики также предполагает обращение к проблеме двойственного правового статуса учителей земских школ. С одной стороны, они не обладали в полной мере правами государственной службы и получали жалование из земского бюджета. С другой стороны, юридически педагоги земских школ «проходили по ведомству министерства народного просвещения»: назначение, перемещение и увольнение учителей осуществляли органы государственной власти. В то время как земцы неоднократно подчёркивали, что считают учителей своими сотрудниками, министерство и Сенат категорически отрицали принадлежность педагогов к земским служащим. Такая межведомственная разобщённость привела к неурегулированности пенсионных прав учителей.

С 1 января 1901 г. при министерстве народного просвещения начала действовать пенсионная касса народных учителей и учительниц. Её обязательными участниками стали учителя школ, содержавшихся за счёт государственного бюджета. Педагоги земских и городских школ получили возможность присоединиться к министерской кассе в качестве добровольных участников, если органы местного самоуправления соглашались уплачивать в кассу пособие в размере 6% получаемого участниками содержания. В том случае, когда земство «подлежащей губернии» открывало собственную пенсионную кассу, «производство сих взносов прекращалось», а уже поступившие суммы перечислялись в земскую кассу [22]. Данный сценарий был полностью реализован в Уфимской губернии: в 1907 г. земство включило учащихся начальных училищ в число участников своей кассы, «учителя, участвовавшие до того в министерской кассе, были перечислены в земскую» [6, с. 288-289].

В 1910 г. в Уставе кассы народных учителей и учительниц появилось положение, относившее «на счёт казны ту часть пенсии, которая причиталась бы выходящему на пенсию лицу и его жене за годы его службы в начальных училищах всякого наименования, протёкшие до вступления его в кассу». Для педагогов, имевших большой стаж работы, это означало ощутимое увеличение пенсионных выплат. Льгота предоставлялась только при условии вступления в кассу министерства до 1 января 1911 г. [14]. Учителя поспешили воспользоваться появившейся возможностью: за год количество членов министерской кассы возросло с 31 до 100 тысяч человек [8, с. 57-60]. В значительной мере это увеличение произошло за счёт оттока учителей из земских касс.

Параллельно Закон 1910 г. регламентировал процедуру перехода из земской кассы в министерскую, и наоборот: в обоих случаях в «принимающую» кассу передавалась «сумма, равная современной стоимости прав, приобретённых участником, его женой и детьми ко времени перехода» [14]. Единовременное перечисление всех учительских взносов могло подорвать финансовую устойчивость земских касс, и органы местного самоуправления начали ходатайствовать о распространении льгот Закона 1910 г. на участников своих касс. В декабре 1912 г. последовало распоряжение об «обратном перечислении» земских учителей из министерской в земские пенсионные кассы, но в сентябре 1913 г. Совет Министров своим постановлением вновь назначил пенсии за счёт казны тем учителям, которые были привлечены к участию в министерской кассе по закону 1910 г. [8, с. 57-60].

В Уфимской губернии большинство учителей оставались участниками земской пенсионной кассы. По состоянию на последний предвоенный год из 16 обыкновенных пенсий, выплачиваемых уфимской кассой, шесть получали учителя [19, с. 82-86]. Тем не менее, при анализе пенсионной статистики за 1910-1913 гг. следует учитывать возможность «приливов» и «отливов» земского учительского персонала, что могло оказать значительное влияние на общее число участников кассы.

В целом, проведённый анализ подтверждает значительный источниковедческий потенциал земской пенсионной статистики. Как первичную, так и вторичную документацию пенсионных касс (личные карточки и отчёты соответственно) отличает высокая степень репрезентативности, поскольку все сведения последовательно проверялись самими служащими, уездной управой, сотрудниками пенсионного отдела губернской управы. При корректном использовании отчёты пенсионных касс позволяют оценить изменения численности участников, половозрастной состав «третьего элемента», степень текучести кадров земских управ и учреждений. Данные о семейном положении служащих представляют самостоятельную ценность как источник, характеризующий демографические процессы начала XX века. Относительно унифицированная форма отчётности пенсионных касс предполагает возможность использования различных, в том числе и количественных, методов

исследования. Персонифицированный учёт сотрудников, являвшийся неотъемлемой частью делопроизводства пенсионных касс, заставляет признать земскую пенсионную статистику одним из наиболее точных и ценных источников, характеризующих численность «третьего элемента».

Список источников

1. Азаматова Г. Б. Уфимское земство (1874-1917): социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа: Гилем, 2005. 252 с.
2. Беседовская А. В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века): дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2000. 330 с.
3. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. Т. 3. XIV+708 с.
4. Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. Уфа: Паровая типо-литография С. М. Гирбасова Н-ки и К°, 1907. XXI+1012 с.
5. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов с приложением докладов Губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа: Паровая типо-лит. Тор. дома Л. Е. Милюкова и И. А. Медведева, 1909. XXII+1257 с.
6. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXVI очередной сессии 1910 года. Уфа: Тип. Т-ва «Печать», 1911. 302 с.
7. Загряцков М. Д. Земская служба и социальное страхование (к вопросу о земских пенсионных кассах). М.: Магазин «Высшая школа», 1916. 34 с.
8. Зубков И. В. Учительская интеллигенция России в конце XIX – начале XX в.: дисс. ... к.и.н. М., 2008. 334 с.
9. Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. К сорокалетию существования земств Уфимской губернии. 1875-1914 гг. Уфа: Электрическая типография «Печать», 1915. 445 с.
10. Куреева О. А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX века: региональный аспект. Уфа – Стерлитамак: ИИЯЛ УНЦ РАН; Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. 467 с.
11. Мысляева Н. С. Земские учреждения Уфимской губернии: образование, организационно-правовая основа, деятельность: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 214 с.
12. Нагорная М. С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 – февраль 1917 г.): дисс. ... к.и.н. Курган, 1999. 206 с.
13. О пенсионных кассах служащих в земствах: Высочайше утверждённое Положение от 12 июня 1900 г. № 18870 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание III. Т. XX. Ч. I. СПб., 1902. С. 803-809.
14. Об отнесении на счёт казны части пенсии народных учителей и учительниц, причитающейся им за годы службы в начальных училищах всякого наименования, протекшие до вступления их в пенсионную кассу народных учителей и учительниц, и об изменении некоторых статей Устава означенной кассы: Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 1 июня 1910 г. № 33617 // ПСЗРИ. СПб., 1913. Собрание III. Т. XXX. Ч. I. С. 648-651.
15. Отчёт по операциям пенсионной кассы служащих в земстве Уфимской губернии за 1908 год. Уфа: Паровая типо-литография Торг. дома Л. Е. Милюкова и И. А. Медведева, 1909. 53 с.
16. Отчёт по операциям пенсионной кассы служащих в земстве Уфимской губернии за 1909 год (3-й год существования кассы). Уфа: Уфимская паровая типо-литография Торг. дома Л. Е. Милюкова и М. Н. Зайкова, 1910. 66 с.
17. Отчёт по операциям пенсионной кассы служащих в земстве Уфимской губернии за 1911 год (пятый год существования кассы). Уфа: Электрическая типография Товарищества «Печать», 1912. 80 с.
18. Отчёт по операциям пенсионной кассы служащих в земстве Уфимской губернии за 1912 год (шестой год существования кассы). Уфа: Электрическая типография Товарищества «Печать», 1914. 80 с.
19. Отчёт по операциям пенсионной кассы служащих в земстве Уфимской губернии за 1913 год (седьмой год существования кассы). Уфа: Электрическая типография Товарищества «Печать», 1914. 108 с.
20. Севастьянов С. А. Земское самоуправление в Уфимской губернии (последняя треть XIX – начало XX века). Уфа: Восточный университет, 2006. 108 с.
21. Трутовский В. Е. Современное земство / под ред. и с предисл. Б. Б. Веселовского. Пг.: Изд. П. И. Певина, 1914. 288 с.
22. Устав пенсионной кассы народных учителей и учительниц: Высочайше утверждённый 12 июня 1900 года № 18877 // ПСЗРИ. СПб., 1902. Собрание III. Т. XX. Ч. I. С. 812-821.
23. Устав пенсионной кассы служащих в земстве Уфимской губернии. Уфа: Паровая типо-литография С. М. Гирбасова Н-ки и К°, 1908. 31 с.
24. Чернышёва Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии: дисс. ... д.и.н. Челябинск, 2011. 687 с.

THE PENSION STATISTICS AS A SOURCE FOR STUDYING THE NUMBER OF ZEMSTVO OFFICIALS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Polyanina Ol'ga Anatol'evna, Ph. D. in History
Bashkir State University, Ufa
olga-polyanina@mail.ru

The article is devoted to such debatable problem of zemstvo studies as the definition of the quantitative composition of the hired employees of the bodies of zemstvo self-government at the beginning of the XX century. The estimation of the number of zemstvo officials (“the third element”) is based on the financial reports of pension funds for the first time in modern historiography. By the example of the documentation of the Zemstvo Pension Fund in Ufa province, both advantages and disadvantages of this type of sources are analyzed.

Key words and phrases: zemstvo; zemstvo officials; “the third element”; local authorities; pension funds.